

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОСПОМИНАНИЯХ: от 1970-х к концу 2000-х (интервью с З.Т. Голенковой и В.А. Мансуровым)

Полнокровная жизнь научного сообщества предполагает активные международные взаимодействия – это и качество исследований, и репутация ученых, признание их научных достижений и вкладов, включенность полученных данных в мировой научный оборот. Задача любого научно-исследовательского института – организация таких взаимодействий. Институт социологии РАН с самого начала своей деятельности ставил такую цель и активно развивал различные направления и формы сотрудничества с зарубежными социологами, формируя условия для укрепления позиций советской, а потом – российской социологии в международном профессиональном сообществе. Беседы со старейшими сотрудниками института, ответственными за организацию такого сотрудничества на протяжении долгого времени, дают материал для оценки того, как создавались в реальности эти взаимосвязи, какая среда их формировала и как они, в свою очередь, формировали среду для их развития. Они интересны и тем, что побуждают к размышлениям о разных периодах в отношении институционального устройства, способствующего этим взаимоотношениям – от полной централизованной организационной поддержки, как это было в 1970–1980-е гг., до отказа от нее в пользу индивидуальных, зачастую разрозненных усилий, что стало характерным для последних лет. Насколько это эффективно, и не стоит ли обратиться к поискам конструктивной «золотой середины», используя в том числе точку зрения людей, способных оценить это с позиций своего опыта, накопленного в прежних и использованного в новых, подчас не слишком благоприятных условиях?

Совместные сравнительные исследования, конференции, мероприятия, встречи с зарубежными коллегами – все эти события в воспоминаниях не просто становятся вкладом в общую информационную картину международного сотрудничества, но приобретают биографический смысл. Как это происходило, что казалось главным и как становилось таковым в действительности, что «продвигало» эти события – все эти вопросы могут быть поняты только через личные воспоминания. А это – возможность увидеть разные аспекты истории социологии в нашей стране через позиции людей, прочно включивших эту деятельность в свои жизненные траектории.

DOI: 10.31857/S013216250003204-7

З.Т. Голенкова: «У НАС ПРОСТО БЫЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ХОРОШИЕ ОТНОШЕНИЯ»

И.П.: Зинаида Тихоновна, Вы не просто старейший сотрудник института – Ваш профессиональный путь относится к его предыстории. Вы работали в Институте философии РАН, потом пришли в становящийся Институт социологии. Были одной из ключевых фигур, кто устанавливал международные связи института. Какой была эта история? Наверняка можно выделить какие-то этапы: чем они отличались друг от друга? Какими были наиболее яркие события, люди и, может быть, направления, которые их определяли?

З.Т.: Может быть, я смогу рассказать не про все... Все-таки я не была ответственной за международные связи института на протяжении всей своей биографии и научной деятельности в институте, но к каким-то моментам имела непосредственное отношение. Прежде всего, это проведение международных социологических конгрессов. Обычно к ним готовился весь институт, выпускали соответствующие монографии, например «Советская социология» в двух томах¹. Я стала участвовать в них, в том числе как ученый секретарь

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (golenko@isras.ru).

¹ Советская социология. В 2-х т. М.: Наука, 1982. – Прим. ред.

советской делегации, начиная с конгресса в Швеции в Уппсале, в 1978 г. Тогда формировались большие делегации, которые были как бы «сборной солянкой». Были представители многих организаций, которые имели хоть какое-то отношение к исследованиям современного общества, не только социологических, но и, например, исторических и др. Делегации были велики, до ста человек. К конгрессу в Мексике, это был 1982 г., мы готовились очень серьезно. Была издана монография «Молодежь в социалистических странах» – результат многостороннего сравнительного социологического исследования, в котором принимали участие социологи практически всех европейских социалистических стран. Это было в определенной степени и результатом деятельности Проблемной комиссии, которая была создана в 1974 г. и объединяла социологов социалистических стран. Называлась она «Эволюция социальной структуры. Социальное планирование и прогнозирование» (позже «Социальные процессы в социалистическом обществе»). Это было одно из основных направлений работы. Проблемная комиссия проработала довольно долго, примерно до 1989 г., до событий, которые случились в Польше. Руководителями этой Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества Академии наук социалистических стран были польские социологи: председателем был профессор В. Весоловский, а ученым секретарем – Мария Ярославская, тоже польский социолог.

И.П.: А Вы участвовали в этой работе?

З.Г.: Да, я принимала самое непосредственное участие, была ученым секретарем советской части комиссии.

И.П.: То есть Вы были ее прямым организатором с самого начала?

З.Г.: С самого начала, да. Первое заседание, которое проходило в Советском Союзе, непосредственно я и готовила. В рамках Проблемной комиссии было семь рабочих групп, самых разных: по изучению рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, молодежи и высшего образования, истории социологии и социального управления. И в каждой стране были представители, которые работали в этих группах. Рабочие группы собирались по мере необходимости, раз в год, иногда раз в два года. Проблемная комиссия тоже довольно регулярно собиралась: если не каждый год, то один раз в два года обязательно. В одной из стран – по очереди путешествовали из одной страны в другую. Обычно формировались делегации, которые представляли специалистов в зависимости от темы заседания, в то же время участники всех рабочих групп в них входили. На заседаниях обсуждались в основном проблемы развития социологической науки на том этапе, план работы комиссии, тематика и название очередной сессии, подводились итоги работы рабочих групп.

Параллельно с заседанием Проблемной комиссии, как правило, проводились и совещания директоров социологических институтов этих стран, участвовали Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия, ГДР и СССР. Каждая из рабочих групп регулярно издавала сборники статей². Но большим плюсом было проведение сравнительных международных социологических исследований, и это был новый этап в ее деятельности. Очень сложная была работа. Проводилась она по двум серьезным темам. Одна из них – сближение рабочего класса и интеллигенции, что было связано с изменениями в структуре социалистических стран. Вторая – высшее образование и молодежь в социалистических странах. Молодежь, проблема выбора... Эти книги потом вышли³. А по проблемам молодежи в социалистических странах на английском языке даже издана была в Болгарии книжка, которая была потом представлена на Международном социологическом конгрессе. Это явилось своеобразной визитной карточкой социологии социалистических стран, поскольку до тех пор социологи мирового сообщества думали, что у нас есть только

² См., напр.: Вопросы социального проектирования. Материалы XIII Международного симпозиума рабочей группы «Планирование и прогнозирование социальных процессов» III Проблемной комиссии многостороннего сотрудничества Академий наук социалистических стран (Москва, 7–12 декабря 1987 г.) / АН СССР, Ин-т социологии. М.: Ин-т социологии АН СССР, 1990. – Прим. ред.

³ См.: Молодежь и высшее образование в социалистических странах / Отв. ред. Ф.Р. Филиппов, П.-Э. Митев. М.: Наука, 1984. – Прим. ред.

истмат и никаких эмпирических исследований нет. А эта работа была выполнена как раз на основе международного сравнительного исследования, поэтому мы впервые заявили о том, что в социалистических странах есть эмпирические исследования и есть эмпирическая социология. Это был момент важный.

И.П.: А кто был ключевыми фигурами в этом исследовании по молодежи?

З.Г.: Это была коллективная работа, и я бы сказала, что главную роль играл СССР. Потому что это делалось на базе исследований, которые уже были сделаны у нас. С нашей стороны активную роль играл профессор Ф.Р. Филиппов. Он был и автором, я была автором главы по соцстранам. Активно работал Микк Титма, нас трое было от Советского Союза. В других странах активно работали социологи. В Болгарии – Петр-Эмил Митев, он был директором молодежного центра при ЦК Болгарии. В те времена этот центр имел материальные ресурсы, поэтому мог нас всех собрать. Болгары взяли на себя обязательство издать книгу на английском языке. Мы подготовили на русском, а потом в расширенном варианте издали ее у нас⁴. Вот это исследование было важным.

Другое исследование, на которое я бы хотела обратить внимание, – это международное исследование сближения рабочего класса и интеллигенции в социалистических странах. Это уже было настоящее сравнительное исследование по одной методике и по одной программе во всех странах. Было много проблем, в том числе с переводом на каждый из языков. Это кажется, что все просто. На самом деле это очень сложно. Но потом, после того, как провели это исследование, возникла проблема обработки информации. К сожалению, в тот период программа SPSS была только в Чехословакии. Это было, по-моему, в 1976 или 1978 г. Поскольку обрабатывать данные мы могли, но надо было использовать одинаковую программу обработки, мы должны были дать информацию в Чехословакию. И тут возникла проблема: нам запретили из Советского Союза давать информацию за рубеж. Был запрет, долго мы с этим воевали. Раз нет обработки по всем странам, то вот... Доходило до самой высокой инстанции – отдела идеологии и пропаганды ЦК КПСС. И комиссия была создана по решению ЦК партий всех социалистических стран.

И.П.: А почему был этот запрет?

З.Г.: Поскольку это было сравнительное и очень широкое исследование, включавшее разные проблемы, учитывался и материальный уровень жизни. И при сопоставлении выяснилось, что во всех социалистических странах жилищные условия лучше, чем в СССР. Может, было еще что-то... А почему? Мы долго искали и нашли, в чем проблема. Обычно же людей как в советское время спрашивали? «Какое у вас жилье?» А люди всегда отмечали только свою жилую площадь, поскольку у нас была куча коммунальных квартир, и каждая семья располагала только своей комнатой. То есть метраж мест общего пользования не учитывался. А за рубежом не было коммуналок. И у них жилплощадь учитывалась в целом, вместе с ванной, с кухней, с прихожей. Поэтому квадратных метров получалось больше. Мы писали объяснительную записку, почему произошло такое несоответствие.

И.П.: Получается, сравнительный аспект вообще пропал в этом исследовании и в той монографии?

З.Г.: Нет, остался. Мы все-таки добились того, чтобы нам разрешили это закончить и опубликовать, только сделали пояснение в монографии, почему получается, что жилплощадь в квадратных метрах меньше всего в Советском Союзе, чем это объясняется.

И.П.: В этих странах эта книга тоже издавалась?

З.Г.: Они в основном по своим странам данные публиковали. Совместно мы издавали только на русском языке. Только на русском языке выходил потом и энциклопедический словарь социологии⁵. Мы сначала издавали каждую букву отдельно в Польше на русском

⁴Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. М.: Наука, 1978. – Прим. ред.

⁵Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В. Осипова; Российская академия наук, Ин-т социально-политических исследований. М.: ИСПИ, 1995. – Прим. ред.

языке в отдельной книжечке. Каждый год собирались в какой-нибудь стране и целую неделю обсуждали. Это не так просто, когда специалисты из разных стран пытаются дать определение для энциклопедии. Столько было дискуссий! Эта работа шла очень медленно, но мы собирались раз, а иногда и два раза в год, от нас работала я. Потом каждая страна переводила это на свой язык уже самостоятельно. Работа эта была в рамках рабочей группы по истории социологии социалистических стран, мы тогда готовили и коллективную монографию «История социологии в социалистических странах». Но, к сожалению, она не вышла. Во-первых, потому что начались события в Польше, мы опоздали уже, а потом в Чехии. В общем, издательство «Наука» отказалось ее публиковать. Хотя материалы были все собраны.

И.П.: Почему отказалось?

З.Г.: События политические начинались, «Солидарность» в Польше, и многие люди, которые упоминались в главе по Польше, были замешаны в ее деятельности. И наш Главлит не пропустил. Как позитив, я могу отметить, что в рамках Проблемной комиссии с 1978 г. стал выходить информационный бюллетень. Он выходил в Варшаве на русском языке. В редколлегии от каждой страны был представитель, от Советского Союза была я, мне выпала большая честь потом все это редактировать на русском языке. Можете представить, когда давали все статьи из каждой страны на якобы русском языке! Каждый год выходил этот информационный бюллетень, каждый год была какая-то новая тематика, либо «сборная солянка». Он играл позитивную роль, потому что оперативно знакомил с тем, что происходит в рамках социологического сообщества социалистических стран, поскольку общие проблемы были в социологии. Я думаю, что Проблемная комиссия сыграла позитивную роль в свое время. Она способствовала росту методологической грамотности, прежде всего потому, что некоторые страны были в этом очень продвинуты, Польша, например. Там уже давно, еще в тридцатые годы, проводились социологические исследования, серьезные, в рамках эмпирической социологии и теоретической. Поэтому эта работа как бы подтягивала социологов других стран.

И.П.: А какие страны имели хороший уровень социологических исследований?

З.Г.: У чехов было хорошо поставлено. У них была программа SPSS, они проводили изучение общественного мнения, накапливалась довольно большая информация. Они демонстрировали результаты сравнительных исследований, которые у них проводились по разным проблемам. Но могу сказать, что мы не так плохо там смотрелись – к 1970-м гг. в Советском Союзе проводилось много исследований, и мы были достаточно грамотными. В общем, нормально мы сотрудничали. Я не могу сказать, что кто-то особенно выделялся. Наверное, румыны, но там были проблемы политического порядка. Им не нравилось словосочетание «марксистско-ленинская социология». Другая политическая платформа уже стала, плюс у них был жесткий контроль, своя специфика. Мы все к ним относились нормально, потому что понимали «игру» – их обязывают так себя вести, обязывают выступать против этого. Поэтому часто мы снимали этот термин, писали просто «марксистская социология», и тогда они подписывали протокол. Но они всегда стояли особняком, и в совместных исследованиях, как правило, не принимали участия. Хотя регулярно приезжали на большинство заседаний, и довольно представительные фигуры – директора институтов, но зато и четко придерживались идеологической позиции, которая на тот момент была у руководства партии.

И.П.: Были какие-то разногласия в сотрудничестве, в работе этой Проблемной комиссии?

З.Г.: Особенно больших разногласий не было. Ну, иногда обсуждались какие-то проблемы, но их было не так много. Может быть, как-то подспудно на научных конференциях и во время этих заседаний. Появлялись, например, со стороны чехов, какие-нибудь уточняющие моменты во взглядах на социальную структуру, которых, скажем, П. Махонин в свое время придерживался, стратификационные принципы в исследовании предлагалось вводить. Венгры очень далеко шли в этом направлении. Они считали, что нельзя жестко

ограничивать социологию историческим материализмом, что эмпирическая социология и вообще социология как наука – это что-то другое, и больше были склонны к стратификационным теориям в исследовании социальной структуры, чем к классовым. Это не всегда четко озвучивалось, но часто просматривалось, скажем, в документации, материалах. Такие внутренние моменты бывали, да.

И.П.: Были какие-то конфликты?

З.Г.: Абсолютно нет. Никогда не возникало каких-то явных противоречий. Конечно, мы играли всегда там важную роль. Несмотря на то что председателями комиссии были поляки, – мы им отдавали тем самым, так сказать, лавровую ветвь, в знак того, что они более сильная в социологическом отношении страна. Но в то же время практически, если честно, все определялось тут [в Москве].

И.П.: Внутри института кто-то контролировал международную деятельность?

З.Г.: У нас был первый отдел. Ну и в те времена, – это правило относилось не только к Проблемной комиссии, вообще ко всем эмпирическим социологическим исследованиям – мы на все анкеты должны были получать разрешение Главлита – это государственная контрольная комиссия. Если там поставили штамп, что разрешено, мы могли запустить анкету. Если нет, то нет.

И.П.: Вы ощущали давление со стороны первого отдела?

З.Г.: Нет, особого не было давления. У нас в институте тогда была своя методологическая комиссия, через которую проходили все методические разработки, инструментари. Но это был контроль с научной точки зрения, не с идеологической. Они смотрели только с точки зрения методической грамотности, первый отдел к этому не имел никакого отношения.

И.П.: То есть все было так демократично?

З.Г.: Ну, либерально было, скажем так. Я только один помню конфликт, но это было не с эмпирическим исследованием связано, а с информационным бюллетенем.

И.П.: А кто еще входил в комиссию от института?

З.Г.: С нашей стороны председателем комиссии всегда был директор института: М.Н. Руткевич, потом Т.В. Рябушкин, потом В.Н. Иванов. Правда, я ученым секретарем все годы была, пока эта комиссия не умерла. К концу 1989 г. уже перестали выходить информационные бюллетени, перестали собираться.

И.П.: Вы поддерживали дружеские отношения с бывшими коллегами?

З.Г.: Долго сохранялись контакты со всеми, с болгарами, например. У каждой страны был свой костяк, который работал в рамках этой комиссии, заседание общей Проблемной комиссии, как правило, состояло из этих пяти-шести человек, иногда трех-четырех. Дружеские отношения были между нами. У нас просто были человеческие хорошие отношения. С поляками были очень хорошие отношения, и с директором, и с Машей Ярославской, я и дома у них бывала.

И.П.: В интервью для «Социологического журнала» Вы говорили, что играли организаторскую роль в международных конгрессах. Как проходила эта работа: подготовка к конгрессам, организация советской делегации?

З.Г.: Я была ученым секретарем советской делегации, там было человек сто. Были всякие ситуации... Всегда формировалась молодежная группа на конгрессы – те, которые в большинстве случаев имели отношение к социологии или к науке.

И.П.: А как отбирали делегатов, по каким критериям?

З.Г.: Чаще всего, конечно, на том основании, что их доклады были приняты – они должны были выступать там, и их доклады были включены в программу, это был один из важных критериев, как правило. Потом списки утверждались в ЦК. Все делегации так формировались, не только на конгресс, последней инстанцией всегда был отдел науки ЦК. Ну, кроме отдела науки, наверное, были и другие организации, которые пропускали, если ты их все проходил, ты попадал в список в ЦК.

И.П.: Какая политическая ситуация была наиболее благоприятной для развития международного сотрудничества, на Вашей памяти, а какая была наиболее... препятствующей, скажем?

З.Г.: Я думаю, что уже к концу восьмидесятых годов. Уже можно было более свободно проводить исследования. Но возникли и минусы – финансовая сторона начала страдать, не хватало финансов. Какое может быть сотрудничество, когда нет финансирования? И потихоньку это заглохло. Раньше государство брало на себя большие расходы. А на конгрессы, кроме того, что нам оплачивали командировочные, пусть небольшие деньги, 15 долларов в день – но это суточные на питание, плюс оплачивали гостиницу, – делегации выдавались определенные гарантии через посольство, проводить, например, большие мероприятия.

И.П.: А как общение с зарубежными коллегами организовывалось?

З.Г.: Всегда были те, кто хорошо говорил на английском, и всегда в делегации был официальный переводчик, который либо синхронный перевод делал для русскоговорящих, либо помогал переводить доклады, отвечать на вопросы. А синхрон на русском языке, как правило, был на всех конгрессах.

И.П.: Как проходило общение с социологами западных стран?

З.Г.: Активно в основном у тех, кто свободно владел английским языком, потому что с переводчиком все-таки общение не очень получается. Хотя... заинтересованные люди, которые хотели пообщаться, просили заранее переводчика, встречались и разговаривали. Я хорошо помню конгресс в Швеции, в Уппсале, который произвел на меня большое впечатление, – это был первый такой большой конгресс в моей жизни, на котором было 3-4 тысячи социологов. И обстановка была такая: между советской социологией, или марксистской, и западной довольно сложные отношения, точек соприкосновения как бы и нет, разговор шел о голубях мира и ястребах. Но с другой стороны, я это запомнила очень хорошо: в нашей делегации был Х.Н. Момджян, он был тогда президентом Советской социологической ассоциации, и он выступал на пленарном заседании с заключительным докладом. И выступал Т. Боттомор – английский социолог, неомарксист. А на пленарке докладчики выступали с разных позиций – наши советские ученые, из соцстран, и с Запада, в основном из Америки. В общем, чувствовались по каким-то вопросам противоположные позиции. И вот Боттомор выступил, пытаюсь примирить одних с другими, и это мне так запомнилось – надо же быть таким умным человеком. Он так примерно сказал: «Вот тут споры идут в течение всей недели конгресса, что лучше, что хуже... Я вам приведу такой пример: вот у нас большой зал, сколько тут народа сидит. Смотрите, на сцене, где я выступаю, в первых рядах хорошо все видно, да? А если потушить те лампы, которые горят по углам, то там совсем темно станет. Так вот и с нашими социологическими теориями: одна теория не в состоянии осветить с одинаковой яркостью весь зал, все пространство. Я считаю, пусть это будут «небольшие» теории, объясняющие только какой-то один аспект социальной жизни, но все имеют право на существование». Это было очень мудро, с моей точки зрения. Он ни с кем не вступал в дискуссию и в то же время пытался примирить. Действительно, мы потом перешли к мультипарадигмальности, пошли по этому пути.

И.П.: Менялась ли атмосфера на конгрессах? И каким образом?

З.Г.: Во время конгрессов бывало, что очень резко все менялось. Я с этим столкнулась в Мексике. Я еще была молодая, такой птенец, для меня это было неожиданно. Вот идет первый день конгресса, второй, третий... И дело приближается к заключительному пленарному заседанию. И вдруг – мы подходим к зданию и не можем понять: какие-то демонстрации на улице, флаги, крики, шум. Что такое? В зал боимся войти, не понимаем, что происходит. Оказалось, что латиноамериканские страны резко стали возражать против того, что на конгрессе, который проходил в Мехико, не разрешили синхронный перевод на испанский язык, не говоря уже о русском. А дело в том, что на конгрессе присутствовал президент Мексики, с женой. И президент выступал на конгрессе с приветствием от

Мексики, правительства. И вот потом весь этот шумный мексиканский народ вместе с другими латиноамериканцами оккупировали этот дворец, где проходил конгресс. Народ растерялся и не знал, как начинать конгресс. А они мешают, выходят на сцену, начинают по-испански говорить. Они же очень эмоциональные. С флагами. Долго совещались и разрешили синхрон на испанском, а заодно и на русском.

И.П.: А почему был запрет?

З.Г.: Так установили, что рабочий язык на конгрессах английский, и все. Ну, первые времена, конечно, так оно и было, поскольку социология нигде особо развита не была, но потом она стала всюду развиваться более или менее активно. И народ стал требовать равноправия. А таким решением пытались отсечь часть народа от обсуждения ряда проблем на этих языках. Это пошло на пользу и российской делегации вместе с соцстранами, потому что социологи этих стран тоже русский язык знали, английский не все так хорошо знали, по крайней мере, члены этих делегаций.

И.П.: А на других конгрессах какой была атмосфера?

З.Г.: Она была очень разной. Например, я вспоминаю, в Билефельде, в Германии конгресс, 1994 г. Там уже возникла другая проблема. Все стали выступать против марксизма. Началась другая волна – если раньше с пеной у рта все защищали марксизм, то теперь стали все его ругать, в том числе и бывшие соцстраны, и мы. И там в зале один человек в качестве протеста против того, что нет последовательности, принципов, взял и вышел голый на сцену. В знак протеста, потому что не понимает такой беспринципности. Но в Билефельде было спокойно. Мы уже со своими книжками приехали. На английском языке два сборника издали по истории социологии в СССР. А эти сборники вышли на русском языке и на английском в Германии, и немцы по нашей просьбе привезли их на конгресс. Я стояла у истоков этой работы с немцами, и, помню, В.А. Ядов говорит: «Слушай, они же расхватывают наши книжки как горячие пирожки. Они же понятия не имели, – он же был эмоциональный человек, – что у нас социология была уже 100 с лишним лет назад! Они ко мне подходят, так удивляются, что это у нас все было». Ну, он же английский знал, поэтому со всеми общался активно.

И.П.: Если вернуться к девяностым и двухтысячным годам, что бы Вы могли рассказать о международном сотрудничестве?

З.Г.: Практически ничего не было, ну, за исключением каких-то, может быть, единичных случаев. Кто-то с кем-то провел исследование или кто-то съездил на конференцию по каким-то каналам, и это все было, что называется, личное дело, индивидуальное. Не было уже организованных мероприятий. Проблемная комиссия просто умерла естественной смертью с распадом Советского Союза. Пытались с отдельными странами завязать двусторонние контакты, но не получилось активного сотрудничества.

И.П.: И в какое-то время переориентировались на сотрудничество с Китаем?

З.Г.: С Китаем активное взаимодействие случайно началось, на мой взгляд. Мы в конце девяностых, точнее, в конце восьмидесятых издали первую нашу книжку по социальной стратификации российского общества. Мучились много с этой книжкой – перешли на новую парадигму исследований социальной стратификации, потому что получилось, что не работает прежняя. Изменилась ситуация, стала резко меняться социальная структура. В ряде регионов провели исследования, издали эту книжку⁶. И в это время приехал президент Китайской социологической ассоциации Лу Хиеу, директор института социологии, член ЦК партии Китая. Он активно сотрудничал с Институтом философии РАН. Но когда он узнал, что есть Институт социологии, он попросил известного китаиста В.Г. Бурова привести его к нам в институт. Так я впервые с ним познакомилась. Он стал спрашивать о нашей книге «Трансформация социальной структуры и социальной стратификации», а он сам интересовался социальной структурой и в Китае проводил исследования на эту

⁶ Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. – Прим. ред.

тему. Задавал кучу вопросов: какие мы критерии используем, что в итоге получается и так далее. Примерно через год он опять приехал сюда в командировку, и мы в нашем центре заслушали его доклад об исследованиях в Китае. Потом я поехала в Китай, это был 2001 г. В Пекине я с ним встретилась по его просьбе, потому что я ездила по другой линии, на конференцию, которая была в Гуанчжоу, на юге. И он мне сказал, что наша книжка по социальной стратификации переведена на китайский язык, скоро выйдет в свет. И добавил: «У нас только возникла проблема с издательством: оно никак не приемлет термин “трансформация”». Прошло какое-то время после моего возвращения, – он мне написал, что они преодолели все препятствия, что название оставили, книжку издали, и он посылает несколько экземпляров для авторов. И главная фраза: «А главное, профессор, вы должны быть удовлетворены, что вашу книжку прочитает народу намного больше, чем если бы она была переведена на все языки мира».

И.П.: С этого момента началось ваше сотрудничество?

З.Г.: Да, потом мы перешли на более серьезные программы. У нас уже 5-6 книжек вышло совместных, российско-китайских. Мы параллельно все книжки издавали на русском и на китайском⁷. А эту они и на английский перевели. По проблемам молодежи книжка вышла⁸. Много уже таких проектов.

И.П.: А кто финансирует эти проекты?

З.Г.: Совместные гранты финансировал РГНФ в свое время. У нас и с Монголией тогда все проекты были с помощью РГНФ, наверное, на протяжении пятнадцати лет у нас ведутся совместные проекты с монголами. У них Министерство науки и образования выделяет гранты, но совместно с Россией. У нас РГНФ был, а там у них министерство. Очень активно проводят исследования, конференции каждый год. Школа молодого социолога – у сибиряков, и монголы каждый год практически проводили ее у себя в Монголии. В этом году она на Байкале прошла. Директором института в Улан-Баторе долгое время был человек, который работал с нами еще в проблемной комиссии в свое время. Поэтому мы просто восстановили старые связи. Он академик, сейчас вице-президент Монгольской академии наук, по гуманитарным наукам. Нынешний директор приезжала к нам в институт, сотрудничаем с ними. У нас было много проектов, связанных с проблемами интеграции, дифференциации.

И.П.: А с Восточной Европой как-то все закончилось?

З.Г.: Как-то да, практически.

И.П.: Можно ли сказать, что это какая-то закономерность – переключение с Запада на Восток? Или это случайно?

З.Г.: Я думаю, случайно. Но кто знает? Я в свое время прочитала любопытную книжку, скорее публицистическую, «Могут ли азиаты думать», автор – Кишоре Махбубани. Половина книжки посвящена аргументам в пользу того, что азиаты не могут думать, потому что дали Западу обойти себя в технологическом развитии и вообще в миропорядке. Вторая половина – обратному, и аргументам в пользу того, что могут думать, и с атлантизмом пора покончить, а XXI век – будет веком тихоокеанской цивилизации, это вывод автора.

И.П.: В общем, нас повело в правильную сторону?

З.Г.: (смеется) Этот вопрос, кстати, мне уже задавали: почему, зная, что я всю жизнь занималась Восточной Европой, и что у меня есть книжки о Югославии, по странам Юго-Восточной Европы – почему сейчас я так активно работаю с Востоком. Ну, я им рассказала про эту позицию Махбубани. Поскольку такое противостояние возникло с Западной Европой и с Америкой, – отсюда берут верх подобные концепции.

⁷Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2012; Социальная политика в России и Китае. М.: Новый хронограф, 2016; Социальная политика в России и Китае: монография / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2016. – Прим. ред.

⁸Россия и Китай: молодежь XXI века / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. – Прим. ред.

В.А. Мансуров: «ГЛАВНОЕ В СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТАХ – ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕРЖАТЬСЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ МЕТОДИЧЕСКОМ УРОВНЕ...»

И.П.: Валерий Андреевич, Вы работаете в Институте социологии с 1973 г., сначала заведующим лабораторией, а затем сектором социальной активности молодежи и почти 30 лет – с 1985 г. – заместителем директора Института социологии, занимаясь организацией международных связей и исследованиями с зарубежными коллегами. И сейчас Вы практически продолжаете эту деятельность как президент Российского общества социологов. Расскажите, пожалуйста, какими были основные направления международного сотрудничества в Институте социологии?

В.М.: Очень интересной, полезной для нас формой сотрудничества была работа советско-финской рабочей группы по социологии. Первым председателем был профессор А.Г. Харчев, затем обычно председателями становились директора. Довольно быстро сопредседателем с нашей стороны стал я. Мы составляли с финскими коллегами план мероприятий, который включал в себя проведение исследований по широкому спектру тем и конференций, которые проходили попеременно: один год у нас, другой – в Финляндии. Это дало нам возможность получать самую свежую научную информацию, знакомиться с новыми выпусками периодических изданий. У нас это был довольно длительный процесс – нужно было получать допуск в спецфонд, а там – мы приезжали, садились в библиотеку Хельсинкского университета, и – пожалуйста – все было в открытом доступе. Это было очень полезно и, главное, важно для того, чтобы быть, как сейчас говорят, в тренде – знать, какие направления развиваются в мире. Это позволяло находить тематику, привязанную в той или иной степени и к западным исследованиям для возможности сравнения данных. Группа работала очень активно: каждый год мы встречались, иногда по два раза, делали совместные выпуски на английском языке из докладов ежегодных конференций⁹. После распада СССР, когда Академия наук резко снизила свою активность, особенно финансовое обеспечение поездок, советско-финское сотрудничество продолжалось в более ограниченных формах. М.Ф. Черныш пришел мне на смену. Потом группа вообще перестала существовать.

И.П.: Какие еще направления развивались?

В.М.: В конце восьмидесятых у нас появилось новое направление в связи с тем, что активно стали развиваться политические, международные отношения между СССР и Соединенными Штатами. Активно работал сектор изучения общественного мнения во главе с В.С. Коробейниковым, а я как зам. директора курировал это направление. Какие формы там использовались? Очень интересно, например, использовалась форма совместных опросов: создавался опросный документ, и на английском языке они проводили исследования у себя, а мы у себя – на русском. Перед каждым советско-американским саммитом проводились такие опросы: что люди ждут от саммита, как представляют себе развитие отношений после них. Кроме того, институт был активно включен в систему международных опросов общественного мнения. Были так называемые «Барометр мира» и «Барометр Европы» (Eurobarometer и Global Barometer Survey), и единая методика, по которой проводили опросы многие страны, и мы в том числе. Это тоже было очень интересно, потому что это были сравнительные данные по вопросам, которые всех волновали¹⁰. У нас же традиционно население страны

МАНСУРОВ Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, зав. сектором социологии профессий и профессиональных групп Института социологии РАН, Москва, Россия (mansurov@isras.ru).

⁹ См., напр.: City – Way of Life – Social Function of Mass Communication: Report of the Fourth Finnish-Soviet seminar / Comp. by Jyrku Jurkiäinen. Tampere: Tampereen yliopisto, 1986; Mass Media and Public Opinion. Report of the Fifth Soviet-Finnish Seminar. Tampere, 1988; Perestroika and Changing Neighbor Images in Finland and the Soviet Union. Tampere, 1989; Социология и социальная практика (Советско-финляндские социологические исследования). М., 1988. – *Прим. ред.*

¹⁰ См., напр.: Ценности массового сознания в СССР и США (некоторые результаты сравнительного советско-американского исследования). М., 1989. – *Прим. ред.*

всегда было больше ориентировано на международные отношения: лекторы-международники, кстати сказать, были очень популярны. Это было интересно и в том плане, что мы корректировали свои формулировки вопросов, шкалы различные, методику.

Несколько лет эта работа велась довольно активно, тогда уже В.Н. Иванов был директором института. Он активно представлял наши данные на различных форумах и в прессе. У нас были также совместные опросы студентов о том, как они относятся к политике своих правительств, как воспринимают другие страны. Был очень интересный опрос, мы его совместно проводили с финнами и с американцами. Отобрали по 100 студентов в каждой стране, по единой методике и по единой схеме формирования выборки. Опрос по широкому кругу вопросов. И потом вышло специальное издание на английском языке, в Финляндии, и оно разошлось по всему миру, вызвало довольно интересные отклики¹¹. Я встречал потом ссылки на него, потому что очень мало было тогда таких исследований, когда нам в международном масштабе доверяли: тут они [западные коллеги] нам доверяли (смеется), потому что это проводилось по той методике, которую они тоже использовали. Определенное недоверие всегда было, особенно у американцев, которые практически любые наши встречи начинали с вопроса: «А как у вас выборка формировалась?» Они почему-то всегда подозрительно относились к нашим опросам, часто не доверяли, так сказать, научному уровню.

И.П.: А переводу опросников они доверяли? Или сами проверяли переводы с английского на русский?

В.М.: Мы составляли свою анкету, переводили сами на английский язык, отсылали им оба текста. Они смотрели, корректировали в английском варианте. У них же тоже были люди со знанием русского языка. Пересылали нам. В конце концов согласовывали весь объем этих вопросов. Не всегда, кстати, получалось так, что все согласовывали. Основная часть, которая согласована, должна быть обязательно выполнена, а другая – на усмотрение исполнителя: если мы хотим получить какую-то информацию, мы можем эту часть у себя использовать, американцы у себя тоже делали свою часть, интересную им. Вот такие совместные проекты: конечно, их главное значение для нас – возможность держаться на международном методическом уровне.

Были также очень интересные проекты, связанные с политикой: например, советско-германский проект, с ФРГ, об отношениях между странами. Со стороны ФРГ во главе этого мероприятия был журнал «Шпигель», с советской – наш институт, проект под руководством Коробейниковой, я там тоже принимал участие. Аналогичным был советско-японский проект. Японское телевидение через свое посольство обратилось к нам, их, конечно, интересовали проблемы Курильских островов, заключения мирного договора, отношение населения к этим проблемам.

В 1985 г., если я не ошибаюсь, прошел советско-французский опрос, организованный по инициативе СМИ: со стороны Франции – пятый канал французского телевидения, с нашей – центральное телевидение¹². Но исполнителями были с той стороны один из шести центров опросов общественного мнения, а с российской – наш институт. Мы поставили вопросы, которые раньше никто никогда не задавал. Например, об отношении людей к выводу советских войск из Афганистана, о кооперативах, которые как раз начали создаваться, о введении частной собственности, об отношении к тем, кто выезжает за рубеж. И задали батарею вопросов, связанных с популярностью политических лидеров стран. У нас Сталин вышел на первое место, что вызвало, конечно, определенные последствия...

¹¹ См., напр.: Peace-mindedness of the Super-powers as Perceived in Four Countries: Changes in Student's Images of the USA and the USSR from 1988 until 1991 / Tampere Peace Research Institute. University of Tampere // Occasional Papers. 1994. No. 61. – Прим. ред.

¹² См., напр.: Мир глазами современных людей (предварительные результаты изучения отношения советских и французских граждан к внутриполитическим и международным проблемам). Докладная записка. Препринт. М.: Ин-т социологических исследований АН СССР, 1988. – Прим. ред.

И.П.: Какие последствия?

В.М.: А в то время была такая система: отдел пропаганды ЦК КПСС и те, кто его возглавлял – секретарь или зав. отделом, проводили так называемые установочные совещания редакторов основных, центральных средств массовой информации. И я попал на это совещание от института как исполнитель этого проекта. И в докладе зам. зав. отделом, в присутствии секретаря по идеологии, было сказано, что Сталин оказался популярной фигурой... Секретарю это не понравилось, он стал спрашивать: «А кто это проводил, а кто разрешил, а где все данные?» Ну, и тут мне пришлось давать информацию. Но поскольку у нас был договор с центральным телевидением, – что они за все отвечают, а мы просто исполняем как специалисты, – конечно, им прежде всего досталось, а нам так, чуть-чуть. Но это была очень интересная информация. Мы ее издали, кстати говоря, на английском языке, специальным выпуском, ротапринтом. Когда меня пригласили в Париж в конце 1985-го в исследовательский центр Ipsos¹³, мы обсуждали эти результаты, причем в присутствии телекамер: этот материал прошел у них по телевидению и вызвал определенный ажиотаж. Это была информация, о которой никто нигде никогда не говорил: вроде какой-то элемент капиталистической экономики в России вводится, и люди это одобряют... И в то же время Сталина одобряют... Ну так это же общественное мнение, где могут сочетаться несочетаемые, на первый взгляд, вещи. Это, конечно, вызвало большой резонанс, и там я встретился с Элен Каррер д'Анкокс, – по-моему, она до сих пор секретарь Французской академии наук. Это наша графиня и княгиня, она из эмигрантской семьи. Она пригласила меня к себе домой, мы с ней обо всем долго разговаривали. У нас она «шла» как антисоветчик. Все ее работы были под грифом. Ей все это показалось очень важным, интересным, и сам факт проведения такого исследования ее взволновал. Она активно следила за тем, что происходит в СССР, я бы даже сказал, она патриот. Обсуждался вопрос о том, что, может быть, постоянно проводить такие опросы. К сожалению, дальше это развиваться не стало. Опять же, из-за идеологии, и из-за денег...

И.П.: Запретили у нас или у них?

В.М.: Они предлагали потом еще проводить опросы, а у нас уже не давали добро, т.е. ЦТ не захотело больше возглавлять их проведение, а напрямую на институт они не выходили. Вот такие разовые, но в целом очень полезные совместные исследовательские проекты были. В качестве еще одной важной работы могу назвать исследование международного масштаба, в нем участвовало, по-моему, 23 страны вместе с нами. Это была работа по проблематике социальной структуры. К нам приезжала группа американских исследователей, мы обсуждали примерный план, все это проходило у нас в «Узком»¹⁴. И мы поспорили с руководителем их группы, Эриком Олином Райтом. Он сказал, что мы не успеем провести в те сроки, в которые они провели. Надо было, по-моему, месяца за три сделать. Но я сказал, что мы проведем.

И.П.: Большая выборка?

В.М.: Приличная выборка, полторы тысячи. Но, правда, только европейская часть у нас была. И мы провели. По совместной методике, участвовали в ее разработке, главными разработчиками были американцы и мы.

И.П.: А инициаторами были американцы?

В.М.: Это был проект Э.О. Райта, он тогда работал в университете Беркли. Это уже не опрос общественного мнения, а социологический, довольно глубокий опрос. Ну, масса проблем, конечно, возникла, прежде всего, связанных с пониманием людьми таких вещей, как участие в управлении, например. Какие-то формы взаимодействия на низовом уровне: то, что мы называли «бригада», они – «низовой коллектив»... Была масса

¹³ Ipsos – международная сеть исследовательских маркетинговых агентств со штаб-квартирой в Париже, Франция. В России представлена подразделением Ipsos Россия (<http://www.ipsos.com>). – Прим. ред.

¹⁴ Дом отдыха АН СССР. – Прим. ред.

согласований. Мы с М.Ф. Чернышом, с коллегами, выезжали на десять дней в Беркли. Эрик Олин Райт выпустил хорошую книжку по результатам этого исследования, на английском¹⁵. А у нас целый ряд статей прошел, в научных изданиях. Прежде всего было важно, что мы работали вместе в таком проекте. Сюда приезжали сотрудники из отдела, занимавшегося методологией, от Майкла Хаута. Было соглашение о взаимном знакомстве с тем, как поставлена работа, и полученными результатами. Они приезжали и смотрели, как мы обрабатываем данные. Одна из сотрудниц знала русский язык. Их интересовало, насколько четко мы выполнили требования по формированию выборки, насколько профессиональны у нас интервьюеры – она встречалась с интервьюерами, расспрашивала, как они работали, какие трудности у них были. В общем, довольно жесткий контроль был. Но надо отдать должное, они ведь точно так же поступали и с представителями других 23 стран, входивших в проект. А там же им приходится сравнивать результаты, и надо быть уверенным, что все было сделано как надо. В противном случае результаты могут быть просто несравнимы.

И.П.: Кто проводил этот проект в институте?

В.М.: Наш сектор социальной структуры, его руководитель Ф.Р. Филиппов участвовал в разработке первого варианта. Опросная часть – это В.Г. Андреенков. У нас же тогда уже опросная сеть была своя. Но подобные исследования были не очень длительные. Только с финнами у нас было длительное соглашение, и мы там прописывали темы исследований: предположим, три года мы будем заниматься проблемой молодежи и подростков в системе образования. И у нас совместные опросы шли, сопоставления и так далее. А с другими странами так не получалось, к сожалению, только такие разовые, но довольно яркие мероприятия.

И.П.: А почему с финскими социологами получилось сотрудничество? Какая из сторон была инициатором?

В.М.: Обе стороны были в этом сотрудничестве заинтересованы. Финны же всегда подчеркивали свою позицию моста между Западом и Востоком. Потом они были очень тесно связаны экономически с СССР, зависели во многих отраслях от нашего сырья. И еще, конечно, был у нас обмен учеными.

И.П.: Насколько интенсивно он происходил?

В.М.: Он был хорошо организован Академией наук СССР. Составлялись ежегодные планы, принимались заявки, и наш институт принимал активное участие, у нас много заявок принималось. Мы работали в основном, конечно, с социалистическими странами, такими как Венгрия, Польша, ГДР. Но были заявки и для обмена с Финляндией, Францией. С Италией был довольно хороший обмен, хотя и с трудностями. Я туда выезжал много раз, и мы подписывали соглашения о сотрудничестве, где было указано даже время мероприятия, предположим, по поводу разработки методологии совместного исследования. Но дальше ничего не получалось. Еще какие-то встречи проводились, но вот реальной, проектной и публикационной, работы, к сожалению, с итальянцами не было.

И.П.: Почему?

В.М.: Я не знаю, из-за того, что у них организация была другая. Были совместные публикации, вышли довольно интересные работы¹⁶, в том числе на английском языке. Базовым центром по сотрудничеству был так называемый Институт международной социологии (I.S.I.G.), в маленьком городке рядом со Словенией, Гориции. Активно сотрудничали, ежегодно обменивались научными визитами, конференции проводились совместные.

¹⁵См.: Wright E.O. *Class Counts. Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge University Press, 1997. – Прим. ред.

¹⁶См.: *Social Actors and Designing the Civil Society of Eastern Europe* / Ed. by A. Gasparini, V. Yadov. London: Jai Press Inc., 1995; *The Future of the Moment before. Scenarios for Russian Society, Torn between Political and Institutional Discontinuities and Social Continuities* / Ed. by A. Gasparini. I.S.I.G. Gorizia, 1993; *Riquilificazione e hinterland delle grand città* / A cura di A. Gasparini, J.R. Logan, V. Mansurov. Milano, 1994; *Illegalità-Legalità e nuovi patti sociali. Dalla Russia all'Italia per l'Europa*. I.S.I.G. Milano, 1995. – Прим. ред.

В.А. Ядов к ним выезжал как директор института, я много раз тоже ездил, потому что был ответственным за эту работу. Со многими университетами соглашения мы подписывали – в Болонье, Милане, Триесте.

И.П.: О чем были эти соглашения?

В.М.: О сотрудничестве, чтении лекций. Это западное направление у нас развивалось таким образом. Надо сказать, было довольно много всего, иногда мероприятия накладывались друг на друга, получалось довольно напряженно. Проблема была еще какая: у нас же выезды были затруднены, из-за контроля. Надо было получать характеристики, «проходить» на выездной комиссии райкома партии, это затягивало оформление. К сожалению, иногда человека оформят, а уже ехать бессмысленно, потому что мероприятие прошло (смеется). Несколько таких случаев на моей памяти было. Несмотря на то что мы указывали, что нужно скорее, и поддержка даже была от отдела науки ЦК КПСС, но все равно все шло довольно тяжело. Но в целом, насколько я знаю, контакты нашего института были довольно широкие, гораздо шире, чем у любого другого гуманитарного института Академии наук. И, кроме того, у нас был прямой канал международной связи. В структуре Академии был такой центр, или институт, который занимался техническими вопросами, связанными с передачей информации на большие расстояния. У них была специальная линия такая, и мы к этой линии были подключены. Мы туда обращались и доказывали, что нам это необходимо, потому что у нас широкое сотрудничество. Это был закрытый канал, туда было очень трудно пробиться. Но мы пробились, тем не менее. Очень много для этого сделал В.Г. Андреенков.

Надо отметить, что в это же время мы начали компьютеризироваться, опять же в чем-то с помощью наших западных партнеров. Например, в Беркли мы работали вместе с Майклом Хаутом, который курировал всю методологическую и методическую часть, в том числе обработку данных. Они нам выделили компьютеры для работы в рамках проекта по стратификации, о котором я уже рассказывал. Я привез три компьютера тогда с собой – 486-е, самые мощные в то время. Вот с этого началась компьютеризация у нас в институте. Хотя стояла еще в подвале института БЭСМ, наша, минская, большая счетно-вычислительная машина. В советские времена наш институт был единственным институтом гуманитарного профиля, который имел собственную ЭВМ. Весь подвал был заставлен этими шкафами, такой гул стоял, бобины крутятся... это было очень необычно. Так что мы в плане компьютеризации оказались впереди всей Академии благодаря вот этим контактам.

Что еще было? Конечно, обычная форма взаимодействия – проведение совместных мероприятий, конференций, симпозиумов, семинаров. У нас всегда был большой план международных дел на год, включая одно-два международных мероприятия, на которые приезжали люди из других стран. Сотрудники института активно участвовали в международных конгрессах, прежде всего всемирных, еще до того, как появилась Европейская социологическая ассоциация. Начиная, по-моему, с конгресса в Эвиане, во Франции в 1966 г. Я, правда, тогда еще не работал в институте. На 7-м Всемирном конгрессе в Варне, в Болгарии в 1970 г. было довольно много сотрудников института, так как Болгария – социалистическая страна, легкое оформление было. Хозяева очень хорошо к нам отнеслись и в плане финансовой поддержки. Всем нам дали такие бейджики с маркировкой «студент»: студенты имели много преимуществ. Это было очень забавно, когда наши профессора начинали выступление: «Как советский студент, я хочу сказать...». С тех пор участие в конгрессах стало обычным, рутинным делом. Мы уже могли совершенно четко планировать эти выезды, все шло как по рельсам. Люди готовились, создавалась рабочая группа, готовили публикации, высылали тезисы. Все это централизованно контролировалось, создавался институтский оргкомитет подготовки. Это было хорошо, потому что люди чувствовали этот контроль и выдерживали временные рамки. Да и качество было достаточно высокое, потому что просматривались все тексты, обсуждались – не хотелось ударить в грязь лицом. Очень важно, что в международной социологической ассоциации многие комитеты тогда создавались по нашей инициативе. Например,

И.В. Бесстужев-Лада создал комитет прогнозирования, был первым его председателем и, по-моему, несколько созывов его возглавлял. Комитет этот до сих пор существует. В.А. Ядов всегда активно участвовал в группе, занимавшейся социально-психологическими вопросами, которая имела свою собственную программу на мировых конгрессах. Ядов был, и до сих пор остался, единственным вице-президентом Международной социологической ассоциации из России. Правда, по финансам и членству. В 1986 г. его избрали на конгрессе в Индии, если я не ошибаюсь. Трудности были в том, что существовал государственный контроль. Надо было получать разрешение на представление текстов – что они не содержат государственную тайну и т.д., – это довольно сложная вещь. Поэтому хорошо, что это проходило централизованно в институте, снимало некоторые трудности с авторов. Были довольно четкие требования, надо было просто им соответствовать.

И.П.: Как изменилась ситуация в девяностые годы? Что осталось и что новое возникло? Что потеряно, а что, наоборот, приобретено?

В.М.: У нас же было очень широкое сотрудничество с социалистическими странами, в комиссию, которая занималась этим сотрудничеством, входили директора институтов социологии всех этих стран. Разрабатывались совместные исследования, выпуски были совместные, социологический словарь выпущен на нескольких языках – это уникальная вещь была. Вот это потерялось. В российское время резко упал уровень сотрудничества, потому что перестала работать система его организации. Несколько лет еще собирались заявки на выезд на какие-то мероприятия, стажировки для ознакомления с работой коллег. Но это довольно быстро сошло на нет. Все практически стало переводиться на двухсторонние контакты. Академия наук ушла в сторону, потому что государственное финансирование на эти цели резко сократилось. Все перекладывалось на институты, все стало зависеть от того, насколько институт сам активен, – а он у нас был активен, контактов было много. Мы стали работать по обычной международной практике: обеспечивали прием здесь наших партнеров, они обеспечивали наш прием у себя, каждый находил средства на дорогу как мог. Ну, и тут все рассыпалось, участия в широких международных проектах практически не стало. Если раньше идеология была главным препятствием, то теперь только деньги. Денег стало мало.

Но двухсторонние контакты оставались. В институте мы создали новую общественную комиссию по международным связям. Были ответственные за контакты с социологами разных стран, мы проводили заседания, с их отчетами – что они делают, что планируют. Но все это стало мелким... или, скорее... очень конкретным. И очень сильно стало зависеть от людей: тот, кто заинтересован, старался что-то сделать, и от этого очень многое зависело. Сама та система, которая работала, с моей точки зрения, достаточно эффективно, перестала работать прежде всего потому, что у самой Академии много проблем сразу возникло, связанных с реорганизацией РАН. Организационно-финансовые проблемы, которые возникли в связи с распадом Советского Союза, подорвали наши возможности по сотрудничеству с коллегами за рубежом.

Но что-то оставалось – например длительные контакты с Вьетнамом. Они ограничивались тем, что раз в год кто-то от нас выезжал к ним и раз в год кто-то от них приезжал сюда. Такой обмен визитами и информация о том, что делаем. Правда, они публиковали работы наших ученых во Вьетнаме, на своем языке.

Примерно то же самое было с Китайской Народной Республикой. Этот был такой тренд. Еще оставались аспиранты из Вьетнама, Монголии, Китая, продолжали свое обучение, защищались у нас. Они остались еще с советского периода, доучивались и до-защищались, нового потока уже не было, был единичный прием. Хотя раньше-то было довольно много иностранных аспирантов в институте, из европейских стран соцлагеря.

И.П.: А наши аспиранты учились за рубежом?

В.М.: В советский период была налажена система стажировок за рубежом. Кстати, с Соединенными Штатами. М.Ф. Черныш десять месяцев стажировался в Беркли. В принципе этот канал работал.

Очень активно работал проект RLMS, он возник в конце восьмидесятых благодаря американцу М. Сваффорду, который все разработал, давал финансирование... И до сих пор этот проект существует. П.М. Козырева с самого начала работала в этом проекте. И через него вся методология проведения подобных опросов тогда к нам пришла. Что было, конечно, очень полезно, потому что в любом случае мы могли опираться на нее и говорить, что на этом мониторинге основаны наши результаты – такая ссылка сразу снимала многие вопросы.

Оставалась активной организация участия в международных мероприятиях. К Всемирным социологическим конгрессам раз в четыре года добавились конференции Европейской социологической ассоциации раз в два года. Первая была в Вене. Надо было, чтобы тебя приняли и включили в программу, но денег-то на участие уже не было. Раньше писали список в Академию, – за нас же членские взносы Международной ассоциации тогда она платила. Я это помню: составляли список, обоснование. И членский взнос за Советскую социологическую ассоциацию как за организацию, и отдельных членов Международной социологической ассоциации, которые в нашем институте работали, – за все это платила Академия наук. А как только ее не стало, это ушло.

И.П.: А разве институт сейчас не состоит коллективным членом этой ассоциации?

В.М.: Официально Институт социологии РАН аффилированный член, но не коллективный. Коллективные члены – только ассоциации. Хотя сейчас это Федеральный центр – ФНИСЦ, так что еще надо будет это переоформлять. Российское общество социологов по наследству статус и членство получило как ассоциация, у нас везде написано, что мы с 1958 г. члены Международной социологической ассоциации – с момента создания.

Какие еще проблемы были? Раньше очень много контактов шло и через Советскую социологическую ассоциацию, потому что это привычной было для запада, они очень часто устанавливали контакты через ассоциацию, через [общественную] организацию. Интересно, что и китайцы тоже очень активно сотрудничали. Нам это было довольно странно, потому что, в общем-то, вроде мы с ними близки в том плане, что какие-то административно-бюрократические институты – это главное. Я тогда в ассоциации занимал какой-то пост, но оставался заместителем директора, и мы формировали группу от московского отделения Советской социологической ассоциации по приглашению Китайской ассоциации и пекинского отделения. Игорь Кон тогда был в этой группе. В Китае нас очень хорошо принимали, но работа была чисто представительская какая-то. Нас возили по всяким организациям, нам аплодировали, пели советские песни... Не научное общение было, я бы так сказал, но интересно было, тем не менее. Мы все время пытались с ними наладить научное сотрудничество, не раз я обращался с предложением от института провести совместное изучение общественного мнения, поскольку у нас были наработки, и мы их им посылали. Но они не шли в этой работе до конца: согласовывали с нами документ сбора информации, предположим, а потом это взаимодействие прерывалось.

И.П.: Это было в девяностые?

В.М.: Да. Это прерывалось просто потому, что им запрещали. Мы уже у себя спрашивали у людей оценку развития страны, в каком направлении оно движется. А у них-то как? Идеология же. Только несколько лет тому назад у нас прошел совместный проект с Шанхаем.

И.П.: А как удалось с ними договориться об исследовании?

В.М.: Договорились потому, что они были заинтересованы в исследовании социальной структуры, – никакой идеологии. Как развивается социальная структура больших городов-портов, что там происходит. С их стороны опрос был в Шанхае, с нашей – в Петербурге. М.Ф. Черныш в основном занимался организацией, очень хороший проект получился. Но период согласования был довольно длительным.

Я по своему опыту еще помню: когда мы пытались в больших этих «барометрических» проектах работать, их организаторы жаловались как раз на Корею, Китай, Вьетнам – на то, что с ними очень трудно согласовывать. У них какое-то другое восприятие.

С европейцами и с нами мы как-то согласовываем – тоже трудно, но согласовываем. С американцами можно согласовать и прийти к какому-то компромиссному варианту, который понятен и им, и нам, и который более или менее удовлетворяет и ту, и другую сторону. А с ними гораздо труднее. Я помню, перед Олимпийскими играми в Южной Корее проводили исследование о том, как люди воспринимают эти игры, Корею как место проведения, и так далее. И, конечно, большое значение имело мнение Южной Кореи, самих корейцев об этом документе. Они просто блокировали многие направления. Это же очень сложный процесс. Тут согласование не просто текстуальное, а смысловое. У организаторов одно представление и одна трактовка, а здесь все совсем другое.

Кстати говоря, у нас еще одно направление было. Когда ГУГН появился (сейчас – ГАУГН), наши студенты ездили и участвовали в совместном исследовании по исторической памяти. Исследование с польскими социологами.

И.П.: А как это исследование было организовано? Кто был инициатор?

В.М.: В.А. Ядов был инициатор¹⁷. И оно продолжалось довольно долго, это было тоже очень хорошее исследование. Поляки к нам приезжали и до сих пор его помнят. Вот Кшиштоф Косела ко мне подходит на каждом международном мероприятии и вспоминает, как хорошо мы работали тогда. Аспиранты у нас тоже участвовали в обмене, учились за рубежом. Соискателей было мало, кстати говоря, с рабочим английским языком, а это было обязательное условие.

И.П.: И вот последний этап, современный, – с какого времени его можно вести? Какие события определяют этот этап?

В.М.: Сейчас сотрудничаем с Китаем, есть совместный проект, совместные издания вышли на английском языке, по социологии молодежи.

И.П.: Это новое российско-китайское исследование?

В.М.: Да, это уже с Пекином. В КНР я выезжал, и там на встрече президентов социологических ассоциаций стран БРИКС было принято решение, что мы создаем рабочую группу этих ассоциаций, которая будет разрабатывать план совместной деятельности. Но это делала ассоциация, не институт – здесь я уже как президент Российского общества социологов говорю. Хотя сейчас в значительной мере все перешло на институт, потому что ассоциации, кроме нашей и китайской, – какие-то недостаточно мощные. Я, когда выступаю на встречах социологов БРИКС, с самого начала говорю, что нужно строить на базе наших обычных форм деятельности кооперации, договориться о теме совместного исследования. Кто-то из социологов наших стран возьмет на себя разработку главного документа и методологии. Все остальные подключаются, мы согласовываем, затем проводим исследование, затем издаем совместную книжку. Все приняли это. В качестве такой темы я предлагал молодежную проблематику. У молодежи всех стран схожие проблемы. Меня поддержала Чан Ли, которая была руководителем сектора социологии молодежи, а сейчас замещает руководителя от КНР в БРИКС. И это исследование пошло, но только у нас и в Китае. И вот тогда произошло переключение на институты.

И.П.: То есть финансы и ресурсы?

В.М.: Да, организация, организационные вопросы. В этом участвовали от института М.Ф. Черныш, П.М. Козырева. Я там уже почти не присутствовал, хотя вся информация на меня шла по привычке, как к президенту РОС. Но, в конце концов, я понимал, что ассоциация не потянет серьезный проект, который связан с большими затратами, для этого нужно деньги иметь. А институт может быть заинтересован в этом. И эта деятельность продолжается. Теперь переключились на проблематику социальной справедливости. Это второе, что мы предложили, – я предлагал в Японии, на конгрессе МСА. Мы периодически встречаемся, во время этих встреч формируется повестка на определенный период.

¹⁷ См.: Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 гг.) / Сост. Е.Н. Данилова, О.А. Оберемко, В.А. Ядов. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – Прим. ред.

И там, на конгрессе в Иокогаме, мы сформировали эту повестку, все ее приняли. И поскольку мы у себя уже провели такое исследование, то обязались документ сбора информации, схему обработки и так далее перевести на английский язык и разослать президентам ассоциаций. И все это мы сделали. Но никто из наших коллег ничего у себя не провел. А китайцы готовы сейчас провести, представляете? Со многими из наших коллег по БРИКС очень трудно работать, получилось, что только мы с Китаем работоспособны. И то благодаря тому, что там есть структура и здесь есть структура. Какие есть мощные ассоциации! Вот Американская социологическая ассоциация, она же может и с правительством бодаться, и вообще с кем угодно! Потому что они равные партнеры. И есть страны, где другая ситуация. В Индии ассоциация по количеству почти как у нас – большая. У них традиции, выпускается несколько журналов, есть хорошая база, но исследовательская, эмпирическая работа у них только в университетах. Ассоциация ничего не может. А мы, оказывается, можем проводить такую работу. Сейчас, когда мы проводили в Канаде на конгрессе МСА административное совещание БРИКС, вроде все согласились о возможности совместного исследования.

И.П.: Какие еще трудности есть в развитии международных научных взаимодействий сегодня, на ваш взгляд?

В.М.: Сейчас как-то потихонечку это возрождается. Но как это может возрождаться полноценно, если даже сейчас у нас нет управления по внешним отношениям в Академии наук? ФАНО же вообще исключило это направление работы. То есть мы должны теперь только у себя в институтах заниматься наукой и международными отношениями.

И.П. ПОПОВА, к. социол. н.,
вед. науч. сотр., ИС ФНИСЦ РАН,
НИУ «Высшая школа экономики» (popova-book@mail.ru)

INTERNATIONAL COOPERATION IN INSTITUTE OF SOCIOLOGY: FROM THE 1970s TO THE LATE 2000s

MANSUROV V.A.*, GOLENKOVA Z.T.*, POPOVA I.P.*

**Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia*

Valeriy A. MANSUROV, Dr. Sci. (Sociol.) Prof., Chief Researcher (mansurov@isras.ru); Zinaida T. GOLENKOVA, Dr. Sci. (Sociol.) Prof., Chief Researcher (golenko@isras.ru); Irina P. POPOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher (popova-book@mail.ru). All – Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract. The publication is devoted to international interactions of the RAS Institute of sociology celebrating in 2018 its 50th anniversary. Interviews with Z.T. Golenkova and V.A. Mansurov, the oldest scholars of the Institute, responsible for organizing these interactions for a long time, are presented. Interviews contain memories and assessments of different periods, forms and practices of international academic cooperation.

Keywords: international academic cooperation, Institute of sociology, Russian Academy of Sciences.